А.Ю. Сергеева-Клятис, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: annaklatis60@yahoo.com

В. ВЕЙДЛЕ — КРИТИК Б. ПАСТЕРНАКА

Автор исследует эволюцию взглядов крупнейшего критика русского зарубежья В. Вейдле с 1927 по 1961 год по отношению к творчеству Б. Пастернака на фоне полемики В. Ходасевича с М. Цветаевой и Д. Святополком-Мирским.

Ключевые слова: *Творчество Пастернака, русское зарубежье, полемика.*

Author investigates an evolution of attitude to Pasternak creative works of the first-rate critics in Russian diaspora V. Weidle from 1927 to 1961 against the background of polemics between V. Khodasevich and D. Svyatopolk-Mirsky.

Key words: *Pasternak's creative work, Russian diaspora, polemics.*

Как известно, отношения Б. Пастернака с русской эмиграцией были сложными и неоднозначными, как многообразны и сложны были его связи с каждым отдельным представителем этого обширного сообщества. И если М. Цветаева писала Пастернаку с неподдельным восхищением: «Вы первый поэт, которого я — за жизнь — вижу»[1], и Д. Святополк-Мирский вторил ей: «...такого поэта, как Вы, у нас в России не было со времени золотого века»[2], то В. Ходасевич был настроен крайне скептично: «Пастернак сильно раздутое явление, — говорил он, по свидетельству М. Цветаевой, "направо и налево", — "Между прочим, М.И. сильно преувеличивает Пастернака. Как всё, впрочем"»[3]. Собственно, имена Цветаевой и Ходасевича и образуют полюса притяжения и отталкивания, между которыми находилась в 1920—1930-х годах репутация Пастернака-поэта в среде русской эмиграции. Цветаева — страстный адепт, Ходасевич — безжалостный критик. История личных взаимоотношений Пастернака с этими двумя крупнейшими поэтами русского зарубежья хорошо известна по мемуарной литературе и работам исследователей[4]. Вполне очевидно, что любовь Цветае-

[1] Письмо М. Цветаевой Б. Пастернаку 10 февраля 1923 // М. Цветаева, Б. Пастернак. Души начинают видеть: Письма 1922—1936 годов. М., 2004. С. 33.

[2] Письмо Д. Святополка-Мирского Б. Пастернаку 8 января 1927 // От Пушкина к Пастернаку. М., 2006. С. 668—669.

[3] Письмо М.И. Цветаевой Б.Л. Пастернаку 18 апреля 1926 // М. Цветаева, Б. Пастернак. Души начинают видеть. С. 183.

[4] Среди них нужно назвать: *Мальмстад Дж.Е.* Единство противоположностей: история взаимоотношений Ходасевича и Пастернака; *Пастернак Ел.В.* Постскриптум; *Богомолов Н.А.* Выбор путей // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 51—64.

вой, как и недоброжелательство Ходасевича, были окрашены именно личным отношением к Пастернаку.

Г. Адамович однажды справедливо заметил по этому поводу: «Исключительное внимание, окружающее имя Бориса Пастернака, обыкновенно удивляет людей, которые знают только то, что он пишет, и не знают его самого. <...> Мне вспоминается, что Сологуб долго хмурился и морщился на стихи Пастернака, а проведя в его обществе несколько часов и послушав его чтение, произнес потом слово “волшебно”»[5]. Не знавший Пастернака Адамович, угадал, что сила воздействия его личности на разных людей часто бывала неотразима.

Знакомство с Пастернаком в Москве, с 1922 года продолжавшееся в письмах, без сомнения, оказало свое магическое влияние на М. Цветаеву. Любовь, граничащая с поклонением, которую Цветаева безудержно выражала в своих письмах Пастернаку, не могла не прорываться на страницы ее отзывов о его книгах. Статья «Световой ливень» полна интимных впечатлений, Цветаева и сама этого не скрывает: «О доказуемых сокровищах поэзии Пастернака (ритмах, размерах и пр.) скажут в свое время другие — и наверно не с меньшей затронутостью, чем я — о сокровищах недоказуемых. Это дело специалистов поэзии. Моя же специальность — Жизнь»[6]. Цветаева, кажется, сама понимает необходимость критики иного рода — профессиональной. Первым и главным претендентом на роль «специалиста поэзии» и выразителем позиции, во многом сходной с цветаевской, становится Д.П. Святополк-Мирский. Несмотря на личную ревность к Пастернаку («Пересылаю тебе письмо Мирского, которому не давала твоего адреса и которому умоляю его не давать <...> Он твоего адреса (личного) домогается с такой страстью, что дать нельзя никак. Кроме того: Волхонка, д. № 14, кв. 9 — моя, не делюсь»[7]), Цветаева делится с Мирским пастернаковским творчеством, ему первому читает присланные ей автором главы «Лейтенанта Шмидта», ждет его откликов. В зарубежной печати именно Мирский становится — еще до эпистолярного знакомства с Пастернаком — его горячим защитником. В своих статьях о творчестве Пастернака Мирский фактически высказывает, с более отчетливой аргументацией и более основательными аллюзиями, те же мысли, которые неизменно звучат в письмах и очерках Цветаевой. Эмоциональная сила поэзии Пастернака; его органичная метафоричность, проистекающая из новизны взгляда на мир; предметность и овеществленность как основа

---

[5] *Адамович Г.* «Повесть» Пастернака // Последние новости. 1929. 26 сентября. № 3109. С. 2.

[6] *Цветаева М.И.* Световой ливень // Эпопея. 1922. № 3. С. 13.

[7] Письмо М.И. Цветаевой Б.Л. Пастернаку 12 января 1927 // М. Цветаева, Б. Пастернак. Души начинают видеть. С. 280—281.

поэтики; естественная и преодолимая сложность стиха и, наконец, первенство Пастернака среди живущих поэтов — вот те пункты концепции Мирского, которые он отстаивает в своих публикациях.

Так, о стихотворении «Сестра моя — жизнь» Святополк-Мирский пишет: «В Пастернаке читателя особенно поражают две вещи: огромный напор поэтической страстности, которая заставляет сравнивать его с Лермонтовым, и необычайная аналитическая острота видения, соединенная с сознательной новизной выражения. Пейзажи и натюрморты Пастернака являются, быть может, главными его открытиями. Они создают у читателя впечатление, что он в первый раз видит мир...» [Святополк-Мирский, 2006, с. 776; S.-Mirsky, 1926]. Отвечая на обвинения Пастернака в излишней усложненности поэзии и темноте метафорического ряда, Мирский высказывается апологетически: «Очевидно, стоит трудиться, чтобы понять. Не мы нужны поэтам, а они нам. Я допускаю, что многими Пастернак и Марина Цветаева не сразу воспринимаются, но ведь мне надо сделать усилие и для того, чтобы попасть из дома в Британский Музей. Однако Музей мне нужен, а не я ему, и поэтому я иду в него, а не жду, пока он ко мне прикотится»[8].

На оппозиционном полюсе тем временем сформировалась противоположная концепция, которая развивалась тем эффективнее, чем больше возрастало идеологическое противоречие между Святополком-Мирским и Ходасевичем. Надо заметить, что несмотря на личное, еще российское, знакомство с Пастернаком, продолженное в Берлине (а возможно, и вследствие этого знакомства), Ходасевич не только остался к нему холоден, но довольно быстро стал проявлять враждебность. В цитированном выше письме Пастернаку Цветавева писала: «Он (Ходасевич) тебя не любил и не любит и — главное — любить не может...»[9].

В Берлине 1922—1923 годов, где Пастернак получил возможность ненадолго войти в литературную жизнь русской эмиграции, отношения между ним и Ходасевичем почти мгновенно приняли неприятный оборот. Сергею Боброву, жалуясь на растущее непонимание Ходасевича, Пастернак писал: «Ходасевич, спервоначала подарив меня проницательностью “равного”, вдруг по прочтении Колина отзыва в “Нови”[10], стал непроницаемою для меня стеной с той самой минуты, как на вопрос об Асееве я ему ответил в том единственном духе, в каком я и ты привыкли говорить об этом

[8] *Святополк-Мирский Д.* О консерватизме: Диалог // Благонамеренный. 1926. № 2. С. 92.

[9] Письмо М.И. Цветаевой Б.Л. Пастернаку 18 апреля 1926 // М. Цветаева, Б. Пастернак. Души начинают видеть. С. 183

[10] Не совсем благожелательная рецензия Н.Н. Асеева на «Счастливый домик» В.Ф. Ходасевича была напечатана в журнале «Красная новь» (1922. № 4).

поэте»[11]. Слова о том, что Белый, Ходасевич и Горький «”трудились” над “Темами и вариациями” и отступили перед абсолютной их непонятностью»[12], Пастернак подчеркивает с особенной горечью, поскольку именно «Темы и вариации», волею судеб впервые увидевшие свет в Берлине[13], представлялись ему наиболее доступной из всех его поэтических книг. Тому же Боброву он признавался неделей раньше: «Лично я книжки не люблю, ее кажется доехало стремленье к понятности»[14].

Вновь вспоминая берлинскую ситуацию и отношение к нему Ходасевича, Пастернак в конце 1920-х годов подводил печальные итоги. Расхождения оказались настолько чувствительными, что приходилось признать их фатальность. В ноябре 1929 года Пастернак писал В.С. Познеру: «Ходасевичево “но” в отношеньи меня разрослось в оговорку, ничего от меня не оставляющую. *Этого* романа не поправить»[15].

Действительно, это «но» постепенно, но неуклонно набирало силу.

В своих «заметках» о поэме Цветаевой «Молодец» Ходасевич еще оправдывал заумников и футуристов, к которым относил и Пастернака, говоря, что они «в значительной мере правы, когда провозглашают самодовлеющую ценность словесного и звукового материала»[16]. В программной статье «Там или здесь?»[17] он называл Пастернака в одном ряду с Клюевым, Есениным, Мандельштамом, Замятиным — писателями, которые «составляют тамошнюю литературу», но «рождены не советской эпохой»: «Каждый из них, как художник, продолжает свою линию, не при большевиках начатую и определившуюся»[18].

Но уже через несколько месяцев в заметках о поэтическом конкурсе газеты «Звено» он начал менять тональность. Обвиняя стихотворение выигравшего конкурс Д. Г. Резникова «О любви» в перегруженности «метафорами и аллегориями, не сведенными ни к какому логическому единству», Ходасевич вынес приговор: сти-

---

[11] Письмо от 17 января 1923 года // Борис Пастернак и Сергей Бобров: Письма четырех десятилетий. Публикация М.А. Рашковской. Stanford, 1996. С. 132.

[12] Там же.

[13] Книга «Темы и вариации» были изданы в 1923 году в Берлине издательством Гржебина.

[14] Письмо от 9 января 1923 года // Борис Пастернак и Сергей Бобров: письма четырех десятилетий. С. 128.

[15] Письмо В.С. Познеру (№ 514) // Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 8. М., 2005. С. 361.

[16] Последние новости. 1925. 11 июня. № 1573.

[17] См. в ответе Ходасевича на анкету о литературе в эмиграции и в Советской России в журнале «Своими путями» (1926. № 10—11): «Относительно литературы в России и в эмиграции могу лишь повторить вкратце то, что писал месяцев пять тому назад в одной из своих статей (газ. “Дни”)».

[18] *Ходасевич В.* Там или здесь? // Дни. 1925. 18 сентября. № 804.

хотворение «восходит к наименее удачным вещам Марины Цветаевой, и, следовательно, к Пастернаку»[19]. А вскоре он возвратился к берлинскому контексту 1923 года, воспроизведя старую формулу, озвученную самим Пастернаком в приведенном выше письме Боброву: «Однажды мы с Андреем Белым часа три *трудились* (курсив мой. — *А.С.-К.*) над Пастернаком и весело смеялись, когда после многих усилий вскрывали под бесчисленными капустными одежками пастернаковских метафор и метонимий — крошечную кочерыжку смысла»[20]. Начиная с этой оговорки Ходасевич занимает радикально негативную позицию по отношению к творчеству Пастернака. В своей рецензии 1928 года на книгу Цветаевой «После России» Ходасевич допускает следующее высказывание: «Читая Пастернака, за него по-человечески радуешься: слава Богу, что все это так темно: если словесный туман Пастернака развеять — станет видно, что за туманом ничего или никого нет»[21].

Высказывания Ходасевича разных лет о разных произведениях Пастернака дают полное представление о резкости и непримиримости его суждений: «обычное нагромождение устрашающих метафор, бессмыслие отдельных строф и бессмыслие вещи в целом»[22], «в настоящее время “ученики и последователи” Пастернака уже пишут гораздо лучше его самого, более блестяще, остроумно и вразумительно»[23], «есть несколько случайно удачных строк, но в целом это просто безмерно скучно, с потугами на глубокомыслие»[24], «покуда не перекрестимся, нам все будет казаться, что Пастернак что-то такое великое видит и знает»[25], «стихи его мало отличаются от прежних, что касается переводов, они косноязычны и очень однообразны»[26].

Однако окрашенная личным отношением критика Ходасевича нуждалась в поддержке специалиста, человека, лично не связанного с Пастернаком враждой, обидами, ревностью, в чем Ходасевича могли легко заподозрить. «Его нелюбовь к тебе — самозащита, — писала Пастернаку Цветаева. — Цену тебе <...> он знает»[27]. Профессиональный критик-филолог мог высказаться гораздо более аргументированно и менее эмоционально, что придало бы, несомненно, больший вес всей концепции. Ходасевичу было на кого

[19] Дни. 1926. 14 марта. № 954.
[20] Дни. 1926. 13 июня.
[21] Возрождение. 1928.19 июня.
[22] Там же. 1927. 31 марта.
[23] Там же. 5 мая.
[24] Там же. 1928. 1 марта.
[25] Там же. 1927. 11 апреля.
[26] Там же. 1928. 28 декабря.
[27] Письмо М.И. Цветаевой Б.Л. Пастернаку 18 апреля 1926 // М. Цветаева, Б. Пастернак. Души начинают видеть. С.183.

опереться — плечо ему подставил В. Вейдле, давний и преданный друг. «Полной объективности, что и говорить, в области оценок быть не может; но полная субъективность, даже и в этой области, может и должна быть преодолена. Может и должна»[28], — писал В.Вейдле в своих поздних заметках о Ходасевиче. Его статья «Стихи и проза Пастернака», появившаяся в № 36 «Современных записок» за 1928 год, была, с одной стороны, попыткой такого объективного подхода, с другой — несомненным продолжением линии Ходасевича, а именно его нескрываемого презрения к экспериментаторству, метафоричности, усложненности пастернаковской поэзии.

Статья была формально посвящена вышедшей осенью 1927 года в Госиздате книге «905-й год», включавшей две революционные поэмы: «905-й год» и «Лейтенант Шмидт», однако затрагивала она и все предшествующее творчество Пастернака, как и обозначено в ее названии — поэзию («Сестра моя жизнь» и «Темы и вариации») и прозу («Детство Люверс» и «Воздушные пути»). И затрагивала весьма нелестно. С самого начала Вейдле дал убийственную характеристику поэту, основываясь на тезисе о его экспериментаторстве, — «взбунтовавшийся ремесленник». Обозначая начало пути Пастернака, автор определял футуризм как течение которое вознамерилось оторвать форму от содержания. Футуристы, по мнению критика, «потеряли форму, как раз потому что пожелали вытрясти из нея смысл и, вознамерившись превратить слово в звук, лишились самого слова»[29]. Надо заметить, что упрек в приверженности футуризму был первым звеном выстроенной Ходасевичем антипастернаковской модели. Именно из футуризма выводилась излишняя приверженность поэта к стиховому и словесному фиглярству, затемняющему смысл.

Пастернаку, пишет Вейдле, от рождения было дано «особое ощущение слова, особые приемы словосочетания, особое умение сталкивать звук и смысл. Пастернак и стал бы большим поэтом, если бы сумел оправдать эти свои дары, если бы ему было чем наполнить, напитать словесную ткань, по-новому им сотканную»[30]. Пастернак не подражал футуристам в их крайних опытах — в стремлении обессмыслить слово и сделать поэзию «простою как мычание». В его стихах слово — это всегда и звук, и смысл. «Но в игре этим значением и звучанием отдельных слов зато и заключается для него ***все*** поэтическое искусство»[31]. Погоня за ассоциа-

---

[28] *Вейдле В.В.* Ходасевич издали и вблизи // Новый журнал. 1961. № 66. С. 125.

[29] *Вейдле В.В.* Стихи и проза Пастернака // Современные записки. 1928. № 36. С. 460.

[30] Там же. С. 461.

[31] Там же.

циями, техникой стиха, отсутствие единства — все это вредит общему замыслу. «Слишком скудно то, ***что*** Пастернак хочет и может сказать для того <...> ***как*** он это говорит...»[32] (вспоминается «кочерыжка смысла», которую с немыслимым трудом нашли в «Темах и вариациях» Ходасевич и Белый).

Помимо бедности и безликости содержания, Вейдле отмечает многочисленные примеры некорректного словоупотребления, неправильных ударений, неверных сокращений окончаний. Обвинения в дурном знании русского языка Пастернак выслушивал с самой юности, в том числе от людей, мнением которых дорожил. Известен эпизод с вызовом на дуэль Юлиана Анисимова, употребившего в отношении Пастернака выражение «аптекарский диалект»[33]. Вне всякого антисемитского контекста Вейдле неожиданно совпадает с Анисимовым: «Ему (Пастернаку. — *А.С.-К.*) важно одно: соединить какими угодно средствами на возможно меньшем пространстве возможно большее количество разноплеменных, разнородных, разнорожденных слов. Стихотворчество для него прежде всего — смешение языков, столпотворение вавилонское»[34]. Самое лучшее, что есть в поэзии и прозе Пастернака, по мнению Вейдле, — это изображение вещного мира (тут Вейдле почти согласен со своими оппонентами). «Только вполне предавшись вещам, Пастернак находит для них в хаосе своего словесного запаса те самые обозначения, которые необходимы... Удаляясь от этого единственного подлинного для него пути, он теряет все...»[35]. А поскольку Пастернак умеет только *показывать* мир, то неудивительно, что у него слабы все попытки замысла, построения, единства. Так, «Высокая болезнь» должна была стать поэмой о революции и о поэте, но с самого начала распалась на куски, которые невозможно склеить воедино. Поэма «Лейтенант Шмидт» «с величайшим усердием втиснута в хронологическую рамку, но рамка эта так и не в состоянии сделаться ничем, кроме голого перечня последовавших одно за другим событий»[36]. Кроме того, «везде нагромождение выисканных созвучий, побрякушек, рифм, а в лучшем случае выпуклость деталей, засыпает и придавливает целое. Везде дикое мясо слов обрастает и делает едва различимым тощий костяк мысли»[37].

Единственную надежду на «освобождение и выход» для Пастернака Вейдле видит в поэме «905-й год», в которой «можно найти

---

[32] Там же.

[33] «Лингвистическая» дуэль: Борис Пастернак — Юлиан Анисимов // Кобринский А.А. Дуэльные истории Серебряного века: поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб., 2007. С. 313.

[34] Там же. С. 463.

[35] Там же. С. 467.

[36] Там же. С. 468.

[37] Там же.

лучшие стихи из всех, когда-либо написанных Пастернаком»[38], поскольку в них содержится хоть и элементарная, основанная на воспоминании, но все-таки способная к развитию лирическая тема. «...В этом личном, субъективном переживании и появляется то ощущение истории, которое совершенно отсутствует в “Лейтенанте Шмидте”»[39]. Общий вывод Вейдле относительно Пастернака, несколько смягченный оценкой поэмы «905-й год», все же неутешителен: «Судьбе его мы не можем придавать слишком большого сверхличного значения; да и самая судьба эта еще темна»[40].

Ни М. Цветаевой, ни кн. Святополку-Мирскому, ни В. Ходасевичу не суждено было заглянуть в то будущее, о котором писали они сами в связи с поэтической судьбой Пастернака и о котором упоминал в финале своей статьи В. Вейдле. Он был единственным, кто дожил до будущего и заново оценил значение Пастернака. В 1961 году, через год после смерти поэта, Вейдле опубликовал в журнале «Мосты» статью «Пастернак и модернизм», в которой ретроспективно взглянул на творчество Пастернака: «...поэта нет более в живых; дело его завершено; отныне никакой части написанного им нельзя справедливо оценить вне мысли о целом, которое любую из этих частей оправдывает и осмысляет»[41]. Вейдле обращается к их общему с Ходасевичем взгляду на излишнюю метафорическую насыщенность поэзии Пастернака, затемняющую ее смысл, но теперь выводы исследователя звучат совершенно иначе: «Выкрутасов и побрякушек (это цитата из “Автобиографического очерка” Пастернака. — *А.С.-К.*) и в самом деле немало в ранних, да и не столь уж ранних, стихах Пастернака, но побрякушками они не увешаны извне, и выкрутасы неразрывно связаны с их сутью. С самого начала ему было дано очень живое и острое чувство — не слова, а скорее слов: их шершавой, скользкой или бархатистой плоти, их вещного, т.е. относящегося к непосредственному восприятию вещей, смысла»[42]. Традиционное обвинение в приверженности Пастернака футуризму и следованиям его установкам снимается полностью, для критика становится очевидной разность путей, которыми шел Пастернак и которыми двигалась вперед современная ему поэзия. Влияние же модернизма на своеобычный и оригинальный дар Пастернака Вейдле теперь считает вполне продуктивным: «Пастернак, по своей природе, модернистом не был (как не был модернистом по природе ни Малларме, ни Валери, ни какой бы то ни было подлинный поэт), но он примыкал к модернизму,

[38] Там же.
[39] Там же. С. 469.
[40] Там же. С. 470.
[41] *Вейдле В.В.* Пастернак и модернизм // Мосты. 1961. № 6. С. 120.
[42] Там же. С. 121.

рос в его окружении и — как раз по характеру своего поэтического дара — легко за модерниста мог сойти. Слова толпились у его дверей, врывались к нему гурьбой, навстречу каждому лирическому порыву, и если не всегда охотно, лишь после некоторого насилия над их смыслом, укладывались в стих, то словесный узор становился от этого особенно прихотлив и необычен»[43].

Вейдле без оговорок признает прежде всего лирическую силу высказываний Пастернака, а не только характерную для него «врожденную зоркость», предметную и жизненную наблюдательность и полностью оправдывает сложность замысла и структуры его произведений: «Во всей поэзии Пастернака, во всем его творчестве, вплоть до начала работы над этим романом (“Доктор Живаго”. — *А.С.-К.*), идет вообще борьба не только между словом и словами, между дисциплиной замысла, темы, высказываемой мысли и беспорядочным, бурным рождением все новых образов, все новых и по-новому звучащих слов, но еще и между врожденным лирическим порывом и столь же врожденной зоркостью ко всему внешнему и чужому»[44].

Зададимся вопросом, можно ли считать позднюю статью В. Вейдле декларацией его размежевания с точкой зрения покойного, но по-прежнему значимого для него Ходасевича? Вероятнее всего, на этот вопрос нужно ответить отрицательно, прежде всего принимая в расчет изменившееся с начала 1930-х годов мнение самого Ходасевича о Пастернаке. Речь шла, правда, не о признании поэтической индивидуальности, но во всяком случае о признании за Пастернаком человеческого достоинства и понимании его поведенческой линии, отдельной от магистрального пути советской литературы[45]. Исчезли из статей Ходасевича и резкие выпады в адрес пастернаковской поэтики. Дж. Малмстад вполне убедительно высказывает предположение о неосуществившемся из-за ранней смерти Ходасевича сближении с Пастернаком: «Какая же горькая ирония судьбы в том, что Ходасевичу, старше Пастернака всего на четыре года, не довелось увидеть сдержанной простоты сборника “На ранних поездах” (1943) и поздней лирики “антагониста”, на склоне лет смотревшего на свою раннюю поэзию, по существу, глазами Ходасевича. Творчество зрелого Пастернака развивалось в направлении, которое, я уверен, Ходасевич безоговорочно бы одобрил»[46].

Вейдле, теперь уже в одиночестве пристально следивший за творчеством зрелого Пастернака, шел по тому же пути. Постепенно

---

[43] Там же. С. 129—130.

[44] Там же. С. 124—125.

[45] *Ходасевич В.* Съезд советских писателей // Возрождение. 1934. 13 сентября; Ходасевич В. Орденоносцы // Возрождение. 17 февраля. 1939.

[46] *Мальмстад Дж.Е.* Единство противоположностей // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 59.

в его восприятии исчез качественный разрыв между поэтическими системами Пастернака и Ходасевича, который он отмечал в конце 1920-х годов. В статье 1928 года Вейдле писал, противопоставляя «большого поэта» Ходасевича «фокуснику» Пастернаку: «Забудут многое. Но будут помнить, как неслыханное чудо, что Россия, в такую эпоху ее истории, имела не только чревовещателей, фокусников и пионеров, не одних стихотворцев и литераторов, но и поэта, в котором она жила и в котором мы жили с нею»[47]. В 1961-м Вейдле повернет эту максиму в личный план: «Поэзия Ходасевича была последней по времени на русском языке, что дала мне эту близость к существу поэзии». Но рядом с этим признанием он поместит второе: «В недавнее время читал и перечитывал я с полным согласием, с полным участием стихи последних лет Пастернака...»[48]. Alter ego Ходасевича в его литературной борьбе 1920-х годов, подтвердивший все догадки поэта специалист-филолог, В. Вейдле с течением времени признал несостоятельность главного противопоставления эпохи. До конца верный своему долгу перед Ходасевичем, Вейдле за него и вместо него сделал те выводы, которые, по его ощущению, и сам Ходасевич не мог бы не сделать, окажись он читателем поздних стихов и прозы Пастернака.

Список литературы

Святополк-Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск, 2006.

S.-Mirsky D. Contemporary Russian Literature. L., 1926.

Поступила в редакцию
10.11.2011

[47] *Вейдле В.В.* Поэзия Ходасевича // Современные записки. 1928. № 34. С. 469.
[48] *Вейдле В.В.* Ходасевич издали и вблизи // Новый журнал. 1961. № 66. С. 127.